

РИЧАРД ПОЛ
ЭВАНС

Дневник
Юэль

Рождество для двоих

Ричард Эванс
Дневник Ноэль

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Эванс Р. П.

Дневник Ноэль / Р. П. Эванс — «Издательство АСТ»,
2017 — (Рождество для двоих)

ISBN 978-5-17-135581-4

Джейкоб Черчер – автор бестселлеров. Уже почти двадцать лет он не был дома – с тех самых пор как мать выгнала его, когда ему было всего шестнадцать. И вот за несколько дней до Рождества раздается звонок: мать скончалась и оставила ему дом. Чтобы обрести душевный покой, Джейкоб возвращается в место, где вырос. Но оказывается, этот дом хранит не только грустные воспоминания. Мать Джейкоба с годами стала настоящей барахольщицей, и среди вещей мужчина обнаруживает дневник некой Ноэль. Кто она? Что забыла в этом доме? И тут на пороге появляется Рейчел. Девушка ищет свою биологическую мать, которая отдала ее на удочерение. В поисках ответов на вопросы Джейкоб и Рейчел начинают поиски Ноэль. Они не знают, найдут ли ее, но в их жизни постепенно появляются другие важные вещи: милосердие и шанс на любовь.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-135581-4

© Эванс Р. П., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	18
Глава четвертая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	27
Глава седьмая	29
Глава восьмая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ричард Пол Эванс

Дневник Ноэль

*Посвящается Пэм
Где бы ты ни была*

Richard Paul Evans
THE NOEL DIARY

*This edition is published by arrangement with
Sterling Lord Literistic and The Van Lear Agency LLC*

Copyright © 2017 by Richard Paul Evans
© А. Нусхаева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Не раз в каком-то полузабытыи, где-то между сном и явью, передо мной представал образ молодой женщины с длинными черными волосами, которые переливались на солнце словно обсидиан. Во сне я совсем малыш, она крепко прижимает меня к груди, что-то напевает и нежно смотрит на меня миндалевидными глазами. Женщина всегда одна и та же. Не знаю, кто она и почему так часто всплывает в моем сознании. Не знаю даже, существует ли она, но во сне кажется настоящей. Почему-то в глубине души я тоскую по ней. Кем бы она ни была, она меня любит. Или любила. А я люблю ее.

Это история о том, как я нашел эту женщину. А между тем нашел и любовь.

Глава первая

7 декабря, среда
ЧИКАГО

В «Данкин донатс» вошла журналистка газеты «Ю-Эс-Эй тудей». Она выглядела обеспокоенной и измотанной, как, впрочем, почти все в центре Чикаго. Мой агент договорился об интервью на два часа в кафе недалеко от Миллениум-парка. На часах было уже десять минут третьего.

Девушка огляделась и, увидев меня, торопливо двинулась вперед.

– Извините, что опоздала, мистер Черчер, – выдохнула она, бросив сумку на свободный стул между нами. Размотала шерстяной шарф, скрывающий шею и подбородок. Щеки и нос ее покраснели от мороза. – Надо было ехать на метро. Припарковаться в центре Чикаго так же непросто, как найти в этом городе честного политика.

– Ничего страшного, – окинул я ее взглядом. На вид ей было двадцать два, может, двадцать три, от силы двадцать пять лет. С каждым годом они все моложе и моложе. Или это я старею. Пока она стягивала с себя зимнюю обертку, я отпил кофе.

– Как же холодно. Теперь я понимаю, почему этот город прозвали ветреным.

– Погода тут совершенно ни при чем, – возразил я. – Как-то раз нью-йоркский редактор «Сан» обозвал Чикаго городом ветров, потому что посчитал местных жителей хвастунами. Мол, любят пускать пыль в глаза.

– Не знала, – удивилась моя собеседница.

– Заказать вам кофе?

– Нет, спасибо. И так уже порядком вас задержала.

Пройдя через полсотни интервью для прессы, я понял, что с журналистами всегда надо быть начеку, как с бродячими псами. Может, они и безобидны, но в целях собственной безопасности не стоит забывать, что любой из них может укусить. Еще усвоил то, что слова «только между нами» означают не что иное, как «не забудь включить диктофон, детка, потому что сейчас ты услышишь всю ту грязь, которую так ждала».

– Как поживаете? – наконец-то устроившись, поинтересовалась девушка.

- Неплохо, – ответил я.
Она вынула из сумки диктофон и положила его на стол.
- Вы не против, если я буду записывать наш разговор?
Стандартный вопрос. И каждый раз меня так и подмывает сказать «нет».
- Да, конечно.
– Отлично. Тогда начнем. – Она нажала на кнопку, и на приемнике замигала красная лампочка. – Я беру интервью у автора бестселлеров Дж. Черчера. Для праздничного выпуска нашей газеты. – Подняла глаза на меня: – Мистер Черчер, могу я называть вас Джейк?
- Как вам удобно.
– Джейк, вышла ваша новая книга. Она еще не успела занять первые строчки рейтингов, но уверена, что победа не за горами.
- Не люблю загадывать, – отрезал я. – Но сегодня среда, значит, уже днем мы все узнаем.
– Вы, без сомнения, пробьетесь в лидеры.
– Вряд ли, но будем надеяться.
– Расскажите, что для вас значит это время года?
Я отпил кофе, поставил кружку и обвел рукой пончиковую.
- Вот это все. Разъезды. Интервью. Много кофе. Много автографов.
– Вчера вечером вы подписывали свои книги в...
– В Нейпервилле.
– Точно. Как все прошло?
– Неплохо.
– Много ли на встрече было читателей?
– Сотен пять или шесть. Все как обычно.
– Сколько городов вы объехали на этот раз?
– Кажется, двенадцать. Нью-Йорк, Бостон, Цинциннати, Бирмингем, Даллас... Остальные не помню.
- Вы, должно быть, устали. Когда завершится тур?
– Это последняя остановка. Через четыре часа лечу домой.
– Значит, отправляетесь обратно в Айдахо?
– В Кер-д'Ален, – уточнил я, будто бы город был самостоятельным штатом. – Я лечу в Спокан.
- Домой на праздники. Как проходит Рождество в доме Черчера?
Я замешкался.
– Вы правда хотите знать?
– Это центральная тема статьи.
– Как правило, скучно.
Она засмеялась.
– Вы проводите это время с семьей, с друзьями...
– Нет. В полном одиночестве. Открываю подарки от агента и издателя, выпиваю пару стаканчиков эгг-нога с виски и смотрю футбольные матчи, которые пропустил за время поездки. Очевидно, мои слова слегка огорчили девушку.
– У вас есть рождественские традиции?
– Да, я вам их только что перечислил.
Она расстроилась еще больше.
– А каким было ваше Рождество в детстве? Есть какие-то особенные воспоминания?
Я медленно выдохнул.
– Что значит «особенные»?
– Было ли такое Рождество, которое навсегда осталось в памяти?
– Было, – мрачно улыбнулся я.

– Не расскажете?

– Поверьте, это не то, что вы хотите услышать.

– И все же.

– Ну, ладно. Рождественский день. Мне семь лет, в комнату входит мать, я сижу на полу и играю с подарками. Она злится, кричит на меня за то, что я устроил такой бардак. Заставляет сходить на кухню и принести тяжелую деревянную ложку. Потом спускает с меня штаны и бьет. В нее будто демон вселяется. Она бьет и бьет, пока ложка не ломается.

Потом запихивает в чемодан мои вещи, выволакивает меня на улицу и говорит, чтобы я искал себе другое жилье. Я простоял там почти три часа, дрожа от холода. Понятия не имел, как быть, не понимал, что должно произойти. Потом решил, что матери всегда так поступают с детьми, которые им больше не нужны. Я просто ждал и надеялся, что кто-нибудь пройдет мимо и заберет меня с собой.

Прошло три часа, уже больше часа, как стемнело, я замерз и хотел есть. В конце концов, я подошел к двери и постучал. Она открыла только через пять минут. Встала в дверях и уставилась на меня. Потом спросила: «Чего надо?»

Я невнятно спросил, можно ли мне вернуться, если я пообещаю хорошо вести себя.

Не сказав ни слова, она развернулась и ушла в дом. Но не прогнала, не захлопнула передо мной дверь, и я расценил это как приглашение войти. Прошел в свою комнату, забрался под кровать и уснул.

Ну и как вам такая рождественская история? – поднял я глаза.

Журналистка с ужасом глядела на меня.

– Хорошо. Наверное, этого хватит. – Она торопливо сгрестила все свои вещи в сумку и накинула пальто. – Спасибо. Материал выйдет где-то за неделю до Рождества, – и выскочила на мороз.

«Издатель меня возненавидит», – пронеслось вдруг в голове.

Читатели знают меня под псевдонимом Дж. Черчер. Полное же имя звучит так: Джейкоб Кристиан Черчер, или Иаков Христианский Служитель¹. Только в старших классах до меня дошла вся его нелепость, и я тогда подумал, что, видимо, родители просто пошутили: бывают же такие чокнутые, которые называют детей Айма Хогг² и Робин Грейвс³.

Кристиан Черчер. Джей Си Черчер. Вдвойне глупое имя, потому что родители ни разу не водили меня в церковь.

Вы наверняка думаете, будто автор любовных историй должен быть и сам хорош в делах сердечных. Отнюдь. По крайней мере, не в моем случае. Возможно, это как раз тот самый классический пример, когда человек учит (ну, или, как я, пишет), а сам смыслит в этом не больше, чем свинья в апельсинах, – к тридцати четырем годам в моей жизни была лишь сплошная череда неудачных отношений. Но я не сдавался.

Говорят, что только дурак будет биться головой об стену и ждать от этого действия иного результата. Должно быть, я и есть тот самый дурак, но, как по мне, все не так просто. Такое ощущение, будто я изнутри запрограммирован на то, чтобы портить любые отношения.

А может, как в песне поется: я не там ищу любовь⁴. Еще на заре моей писательской карьеры один опытный автор дал мне мудрый совет: «Не встречайся со своими читательницами». Я снова и снова гнал его слова прочь, заводил знакомства на автограф-сессиях и завязывал интрижки, которые длились не дольше, чем аромат от жвачки.

¹ В дословном переводе с английского языка на русский имя главного героя, Jacob Christian Churcher, звучит как Иаков Христианский Служитель.

² Айма Хогг (*англ.* Ima Hogg) – сочетание имени и фамилии звучит как I'm a hog (*рус.* «я свинья»).

³ Робин Грейвс (*англ.* Robin Graves) – сочетание имени и фамилии звучит как Rob in graves (*рус.* «Роб в могиле»).

⁴ Имеется в виду песня Марка Алмонда (*англ.* Mark Almond) Looking For Love (In All The Wrong Places).

Проблема в том, что женщины влюбляются в главного героя, созданного мной супермена. Но не встретив такого человека в реальной жизни (а я желаю вам все-таки его встретить), они иногда заменяют его мной. С этими женщинами я и встречался. Рано или поздно все они понимали, что я такой же сломленный и неполноценный, как любой другой мужчина. А может, даже и хуже.

* * *

Но на все, конечно же, есть причина. Мой мир начал рушиться, когда я был еще совсем мал. Виной тому стали два события. Умер брат, и развелись родители. Мне было четыре – возраст, когда быстро все забываешь. 4 августа 1986 года. В этот день не стало Чарльза. После этого все изменилось. Мама стала другой.

Моя мать, Рут, страдала душевной болезнью. Естественно, ребенок не мог этого знать. Много лет я был уверен, что жизнь и должна быть ежедневным кошмаром с побоями и пренебрежением со стороны взрослых. Когда растешь в психбольнице, сумасшествие становится нормой. И только став подростком, я открыл наконец глаза и посмотрел на свою жизнь со стороны – жуть невообразимая.

Но мать не всегда была жестокой. Иногда в ней просыпалась любовь и нежность. Такие моменты были редки, но очень дороги для меня. И чем старше я становился, тем они случались все реже и реже. Чаще всего мать просто жила в каком-то своем мире.

Ее мучили головные боли, и она много времени проводила в постели, в темноте, сняв с телефона трубку и спрятавшись от света и мира. Я стал не по возрасту самостоятельным. Сам себе готовил, сам собирался в школу, даже стирал в ванной одежду, когда она пачкалась.

Когда мать ложилась спать, я заходил в ее темную комнату проверить, все ли хорошо. Она часто просила меня почесать ей спину. Для этого у нее был специальный карандаш с двумя приклеенными к нему зубочистками, которыми я должен был водить вверх и вниз по спине, шее или рукам. Иногда часами. Это единственное, что заставляло верить, будто она меня все-таки любит и я ей нужен. Порой, пока я чесал ее, она нежно разговаривала со мной, и я жадно, словно воздух, глотал каждое слово.

В одиночестве я жил не только дома. В школе тоже всегда держался сам по себе. Был одиночкой и до сих пор остаюсь им. Возможно, потому что чувствовал себя старше детей моего возраста. Был замкнутым и серьезным. Мне говорили, что я слишком много думаю. Кроме того, у меня совершенно не оставалось времени на друзей – надо было следить за мамой. Она не раз пыталась покончить с собой и даже впутывала меня в свои планы. Однажды, сунув мне разделочный нож и электрическую точилку, она попросила наточить его так, чтобы он мог порезать запястья.

В другой раз – я уже был старше, – вернувшись из школы, я увидел машину: к выхлопной трубе был подсоединен садовый шланг, другой его конец был просунут в заднее окно, все остальные стекла наглухо закрыты. Мать была без сознания. Я вытащил ее и уложил на бетонный пол гаража. Потом у нее ужасно болела голова, больше она никак не пострадала. Я же переживал это событие еще много лет.

К тринадцати годам мне наконец-то удалось перерасти мать, и она перестала меня бить. Может, потому что я больше не плакал, а может, боялась получить сдачи. Хотя я вряд ли бы поднял на нее руку. Несмотря на все тяготы, которые мне довелось пережить, я не стал жестоким. Нет ничего хуже насилия. До сих пор не выношу.

Воспоминания обо отце очень расплывчатые. Знаю о нем только то, что рассказывала мать, что ему было плевать на меня. Матери верить, конечно, нельзя, но отрицать его отсутствие было бы смешно – он никогда не пытался стать частью моей жизни. В какой-то степени

на него я злился даже больше, чем на мать. Почему его не было? Что за причина? Если я был дорог ему, то как он мог оставить меня в таком месте?

Последний день дома был поразительно будничным. Мне было шестнадцать. Вернувшись однажды вечером с работы из «Тако тайм», я увидел все свои вещи на газоне перед домом. Даже подушку. Дверь была заперта. Не знаю, в чем провинился в тот раз. Да это было и неважно. Во мне что-то щелкнуло. Пришло время уходить.

Я взял с газона самое необходимое и вернулся в закусочную. Там я работал с девушкой по имени Карли, которая всегда хорошо ко мне относилась. Она была чуть старше меня и водила двухцветный, черный с бронзовым, «Шевроле Цитатион». Я рассказал ей, что мать вышвырнула меня из дома, и Карли предложила пожить у нее, пока не найду что-нибудь подходящее.

Карли тоже вылетела из своего сверхрелигиозного дома, когда родители застучали ее за распитием спиртных напитков, поэтому теперь жила с сестрой Кэндис и ее мужем Тайсоном. Я помог подруге прибраться в зале и поехал вместе с ней, все еще не веря, что мне позволят остаться. Тайсон был мощным самоанцем, покрытым татуировками, и внушал неподдельный ужас. Таких огромных людей я еще не встречал.

Но бояться было нечего. Тайсон оказался совсем не страшным, а очень даже добрым. Он так заразительно улыбался, а от его смеха сотрясался весь дом. Кроме того, Тайсон был набожным христианином, и вместе с Кэндис они посещали многоконфессиональную христианскую церковь. Раз в неделю он ходил на утренние уроки Библии. Узнав, что мать вышвырнула меня из дома, Тайсон негодовал. Он сказал, что я могу остаться у них, пока не встану на ноги. Учитывая мой возраст и обстоятельства, предложение было необычайно щедрым.

Они жили в небольшом доме – не больше шестидесяти квадратов, подвал находился в недостроенном состоянии, а стены в ванной когда-то давно были выкрашены в ярко-розовый цвет. Лишней кровати не оказалось, зато нашелся огромный матрас, который мы разложили на полу в подвале. Вот так у меня и появился новый дом.

Днем Кэндис работала секретарем в адвокатской конторе. Тайсон занимался продажами в международной телефонной компании и уже в половине шестого был дома. Почти каждый вечер после ужина он усаживался рядом со мной и расспрашивал, как прошел день.

Здорово было оказаться в мужской компании. Непривычно, но мне нравилось. Кажется, и он проводил это время с удовольствием, потому что Кэндис не разделяла его интересов: регби, острые куриные крылышки и мотоциклы «Харлей-Дэвидсон».

Хоть я и ушел из дому, школу не бросил. Если честно, на учебе настояли Тайсон и Кэндис, но я бы и так продолжал учиться. Школу, правда, пришлось поменять. Теперь она находилась в другом районе. Новая школа пришлась мне по вкусу, особенно английский и уроки творческого письма. Во многом благодаря преподавателю – хорошенькой вчерашней студентке, Джанин Даймонд. Вы наверняка слышали, как ученики влюбляются в своих учителей – так получилось и со мной. Не знаю, в курсе ли была мисс Даймонд о том, что происходит в моей жизни, но думаю, подозревала. А может, тоже в меня влюбилась (так я себе фантазировал). Как бы то ни было, но она проявляла ко мне особенный интерес и все время подбадривала. Говорила, что я пишу на университетском уровне и вполне могу стать профессиональным писателем. Мне было странно, что кто-то положительно отзывается о моих успехах. Я часто оставался после уроков и помогал ей проверять работы.

Писать для меня было так же естественно, как говорить, даже легче. Намного легче, если честно. Стоя перед аудиторией, я чувствовал себя не в своей тарелке – в голове, словно попкорн в микроволновке, бесполезно скакали слова и мысли.

Я уверен, что пережитые тяготы не мешают, а, наоборот, способствуют нашему успеху. Моя трагедия стала вдохновением для моих историй и развила во мне эмпатию. Чтобы выжить, приходилось постоянно фантазировать. Немало времени я провел в вымышленных вселенных – бежал от реального мира и всей этой боли.

Не сказав мне, мисс Даймонд отправила одну из моих работ на районный литературный конкурс. Я занял первое место. На вручение награды пришли все: Тайсон, Кэндис и Карли. Меня вызвали на сцену и вручили почетный значок, блокнот в кожаном переплете и фирменный набор «Кросс» – ручку и карандаш. Никогда в жизни у меня не было ничего подобного. К тому же это была моя первая награда, если не считать капкейка во втором классе за победу в грамматическом конкурсе.

Через год и три недели после того, как я стал жить с ними, Тайсон объявил, что его переводят в Спокан, штат Вашингтон, и через два месяца, как только я закончу школу, мы переезжаем. *Мы* переезжаем. Ни у кого даже не возникало вопроса: поеду я или нет. К тому времени мы уже были семьей.

По иронии судьбы Карли осталась за бортом. Она закончила первый курс университета Юты и решила перебраться к друзьям в Солт-Лейк. Мы дружно собрали вещи в коробки, потом Тайсон, Кэндис и я сложили все в прицеп, а оставшееся в фургон, слезно попрощались с Карли и двинулись в путь – больше тысячи километров от Солт-Лейка до Спокана – Тайсон и Кэндис в своем фургоне, я в подержанной «Тойоте Королле», которую купил полгода назад.

Может, кому-то покажется странным, что я не оповестил мать о своем переезде в другой штат, но у меня не было никаких причин думать, будто ей это безразлично. За все это время она ни разу не пыталась меня найти. Поэтому сообщать ей, пожалуй, не было смысла. Все равно что говорить бездомному, по какому каналу идет твое любимое шоу. Напрасная трата времени.

* * *

Уже через неделю после того, как мы обосновались в Спокане, я устроился доставщиком в «Карузос Сэндвич и Пицца Ко». У меня были неплохие чаевые, и их вполне хватало на питание для всех нас, что очень выручало. Невостребованные в мою смену пиццы я приносил домой, и Тайсон с удовольствием уминал их на ночь.

Когда лето подошло к концу, я поступил на литературный факультет университета Гонзага. Учился хорошо, получил грант. Мне нравилась студенческая жизнь. Она не походила на ту, что показывают по телевизору: никаких диких вечеринок с членами братства, где пиво льется рекой. Я держался особняком, что меня вполне устраивало. Много времени проводил в библиотеке, написал с десятков рассказов, некоторые из них напечатали в школьном журнале «Отражение», посвященном искусству и литературе. Немного подрабатывал статьями для школьной газеты «Известия».

Впервые в жизни я знал, чего хочу. Я хотел быть писателем. Появилась заветная мечта: писать книги и печататься. Один из моих преподавателей публиковался. Знаменитым он не был, но своего читателя нашел. Лучшей жизни я себе и представить не мог.

В двадцать три года я получил степень бакалавра по литературе. В последний год учебы мне довелось проходить практику в споканской больнице «Диконесс», где я составлял еженедельную новостную рассылку и писал статьи для сайта. После окончания университета меня взяли на полную ставку.

В финансовом плане дела шли как никогда хорошо. И я наконец-то съехал от Тайсона и Кэндис. Друзья никогда меня об этом не просили и даже немного расстроились, но после всего, что они для меня сделали, я просто не мог дожидаться, когда меня попросят. К тому же после нескольких лет неудачных попыток Кэндис наконец забеременела, и стало понятно, что теперь им надо устраивать свою жизнь.

Я переехал в небольшую квартирку в цокольном этаже, всего в километре от Тайсона и Кэндис. Так что как минимум раз в неделю мы ужинали вместе. И время от времени я продолжал заносить Тайсону его полуночную пиццу.

Я встречался с несколькими девушками, но ничего серьезного. В моем одиночестве был один плюс. Предоставленный сам себе, по ночам я был свободен. Через год после выпуска я начал писать первую книгу, запутанную историю разрушенной семьи. При этом никому ее не показывал. В двадцать шесть лет взялся за вторую книгу. Она вышла лучше первой, но похвастаться все еще было нечем. И я начал сомневаться в своем писательском мастерстве.

К счастью, страсть оказалась сильнее сомнений. Спустя еще год появился первый *настоящий* роман. Я называю его своим первым «настоящим» романом, потому что он и вправду вышел достойным, и его уже не стыдно было показывать людям. Роман назывался «Долгая дорога домой» – история о молодом человеке, который искал мать. Не надо быть Фрейдом, чтобы сложить мозаику и понять, откуда я черпал вдохновение.

Закончив книгу, я сделал несколько копий и дал почитать коллегам. У одной из девушек, Бет, была кузина, Лори, совладелица литературного агентства в Нью-Йорке. Прочитав книгу и не сказав мне ни слова, Бет отправила мою рукопись своей родственнице. Так же, как когда-то мисс Даймонд без моего ведома отправила мое сочинение на районный конкурс.

Никогда не забуду тот день, когда позвонила Лори. У нас состоялся такой разговор:

Лори: «Мистер Черчер, это Лори Лорд из “Стерлинг Лорд Литеристик”. Вы можете говорить?»

Я: «Кто это?»

Лори: «Меня зовут Лори Лорд. Я из нью-йоркского литературного агентства “Стерлинг Лорд Литеристик”. Это вы написали “Долгую дорогу домой?”»

Я: «Да».

Лори: «Чудесная книга, Джейкоб. Могу я называть вас Джейкоб?»

Я: «Да. Откуда у вас моя книга?»

Лори: «Мне прислала ее моя кузина Бет. По всей видимости, вы вместе работаете».

Я: «Бет Чемберлейн?»

Лори: «Да. Она не говорила вам, что отправила книгу?»

Я: «Нет...»

Лори: «Так вот, она отправила. Книга великолепна. Я бы хотела передать ее издателям. Сейчас я представляю интересы тридцати двух авторов, семь из которых известны во всем мире. Я бы хотела, чтобы вы стали восьмым. Если вам интересно, я с удовольствием прилечу в Спокан, чтобы встретиться».

Я: «Да... конечно».

Через три дня я встретился с Лори Лорд, женщиной, которая вскоре стала моей «профессиональной женой». Я подписал контракт с ее фирмой, и она приступила к работе – разослала рукопись по крупным издательствам. Книга приглянулась семи из них, поэтому был объявлен аукцион – я получил четверть миллиона долларов в качестве задатка – стоит ли говорить, что сумма для первой книги неизвестного автора весьма внушительная.

Уже через месяц права на экранизацию выкупила крупная кинокомпания. Потрясающее было время, полностью изменившее мое представление о мире. Внезапно жизнь заиграла приятными красками.

Словно молнией, все разделилось на до и после. Книга имела не только коммерческий, но и литературный успех. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» поставил высший балл. Так же высоко книгу оценили в «Паблицерс уикли», и даже беспощадный критик из «Киркус» дал роману зеленый свет.

Я подписал с издательством контракт еще на три книги и уволился из «Диконесса», чтобы полностью посвятить себя писательству. О такой карьере мечтали миллионы начинающих авторов. Интересно, читала ли мою книгу мама?

Следующий контракт принес мне четыре миллиона долларов. Жизнь изменилась. Годом ранее Кэндис родила мальчика, пять кило (с ума сойти!). В то Рождество, чтобы отблагодарить

друзей за все, что они для меня сделали, я выплатил за них ипотеку и купил Тайсону «Харлей-Дэвидсон Фэт Бой», о котором он так мечтал. Было здорово помочь им, для разнообразия. Кэндис поцеловала меня, а Тайсон не смог скрыть слез, хотя очень старался.

– Это уже слишком, старина, – всхлипнул он.

– Ничего подобного. Вы спасли мне жизнь, – обнял я его в ответ.

Я купил дом в Кер-д’Алене, тихом курортном городке в получасе езды от Спокана. Дом стоял на берегу озера, был чудесен, но, как и во всех богатых районах, изолирован от всего мира. Одиночество накрывало меня с головой.

Прежде чем умереть от передозировки, Дженис Джоуплин сказала: «На сцене я купаюсь в любви двадцати пяти тысяч зрителей, а потом одна иду домой». Чаще всего я чувствовал себя именно так. Не то чтобы мне не поступало предложений. Помню первый город, в который я полетел, – меня ожидала там симпатичная сопровождающая. Когда она зарегистрировала меня в гостинице, портье поинтересовался:

– Сколько ключей?

– Хватит одного, – ответила она. – Он приехал один. – Потом повернулась ко мне: – Если, конечно, вы не хотите, чтобы я провела ночь с вами.

Я сделал вид, что не расслышал.

– Одного ключа достаточно.

Такой была моя жизнь. Миллион фанатов. И все это время где-то в сердце жила та женщина, преследовавшая меня во сне. Неуловимая, словно ангел. Однажды я пытался поймать ее на страницах книги, но она ускользнула даже оттуда. История так и не увидела свет – неудачная попытка превратить быль в сказку.

Моя жизнь погрязла в рутине и стала предсказуемой, как поезд токийского метро. Целый год я писал книгу и в полном одиночестве разъезжал по стране первым классом, встречался с читателями, раздавал автографы и интервью.

И вот однажды, за три недели до Рождества, раздался звонок, и все изменилось.

Глава вторая

7 декабря

По дороге в О'Хару позвонила моя агент Лори.

– Черчер, ты еще в Чикаго?

– Еду в аэропорт.

– Счастливчик. Знаю, что ты не любишь летать. Как прошло интервью с «Ю-Эс-Эй тудей»?

– Кто его знает?

– Звучит зловеще.

– Так и было.

– Понятия не имею, о чем ты толкуешь, ну да ладно. Передо мной список «Таймс».

– И?

– Поздравляю! Ты третий.

– А первые два кто?

Лори застонала.

– Ну, тебе не угодить. Рождество на носу, ты идешь ноздря в ноздрю с чемпионами, Черчер. Кинг, Спаркс, Паттерсон, Робертс и Гришэм – у всех новые книги. Радуйся, что ты третий. Продажи снова растут. Это хорошо. Твой единственный конкурент – ты сам.

– Скажи это тем двоим.

– До свидания, – выпалила она, не скрывая раздражения. – Хорошо долететь. И мои поздравления, плевать, принимаешь ты их или нет. Позвони, как будешь в настроении. Постойка, – вдруг вспомнила Лори, – еще кое-что. Знаю, что ты не любишь летать, но...

– Нет, *не люблю* я брюссельскую капусту, а летать я *ненавижу*.

– К несчастью, ты живешь не в том конце страны. Нам надо запланировать твою поездку в Нью-Йорк. Издатель хочет знать, когда мы можем встретиться.

– Не знаю. Перезвоню, как подействует успокоительное. Пока.

– Чао. Позвони потом.

Я уже хотел было положить телефон, как он зазвонил вновь. Я посмотрел на экран. Неизвестный номер, начинается на 801, что-то знакомое из детства. Юта. Спустя столько лет от одного вида этого кода у меня подскочило давление.

– Алло.

– Это мистер Джейкоб Черчер? – раздался незнакомый голос.

– Кто это? – резко оборвал я.

– Мистер Черчер, меня зовут Бред Кэмпбелл. Я адвокат из «Стрэнг и Коуплэнд», Солт-Лейк-Сити.

– Кто со мной судится? – промычал я.

– Насколько я знаю, никто. Я звоню, потому что являюсь исполнителем завещания вашей матери.

Мне потребовалось время, чтобы осознать эти слова.

– Завещание матери?

– Да, сэр.

– Мама умерла?

На этот раз замешкались на том конце провода.

– Простите. Вы не знали?

– До этого момента нет.

– Она умерла две недели назад. Мне очень жаль, я думал, вы знаете.

– Нет, не знал.

– Вы хотите что-нибудь узнать о ее смерти?

– Ничего конкретного. Похороны уже были?

– Да.

– Как прошло?

– Народу было немного.

– Не удивлен.

Адвокат прокашлялся.

– Как я уже сказал, я исполняю завещание вашей матери, она все оставила вам. Дом, немного денег, все.

Я молчал.

– Вы еще здесь?

– Извините. Просто... это так неожиданно. – Полная неожиданность. Такая же неожиданность, как поймать такси в дождливый вечер после бродвейского шоу. Не то чтобы я думал, будто она никогда не умрет. Скорее, я просто вытеснил мать из своей памяти, и сейчас она так внезапно вломилась в мою жизнь, что нарушила ее привычное течение, вылилась на меня, словно ушат холодной воды.

– Сэр?

Я выдохнул.

– Простите. По всей видимости, мне придется приехать в Солт-Лейк.

– Было бы неплохо, если бы вы сами увидели свое наследство. Вы же живете в Айдахо, верно?

– Да, в Кер-д'Алене. Где мне взять ключ?

– Мой офис недалеко от дома вашей матери. Если хотите, можем встретиться, и я принесу кое-какие документы на подпись. Когда вы планируете подъехать?

– Пока не знаю. Созвонимся на следующей неделе.

– Отлично. Можно задать вам один вопрос?

– Слушаю.

– Вы случаем не *тот самый* Джейкоб Черчер? Писатель?

– Он самый.

- Моя жена ваша большая поклонница. Не подпишете несколько книг при встрече?
- Без проблем.
- Спасибо. Она очень обрадуется. До встречи.

Я повесил трубку. *Мама умерла*. Я не представлял, что делать. Как вести себя? Стыдно признаться, но первая мысль, которая пришла в голову: «*Динь-дон, ведьмы больше нет*». Понимаю, что выгляжу черствым, если не сказать безумным, но именно так я и подумал. Несмотря на почти два десятилетия, что мы с ней не виделись, мне вдруг показалось, что мир стал добрее.

Я перезвонил Лори.

- Нью-Йорк придется отложить.
- Что случилось?
- Мне надо съездить в Юту.
- В *ту самую* Юту?
- Есть какая-то другая Юта?
- Что там в Юте? Не считая твоей матери и плохих воспоминаний?
- Она умерла.

Последовала длинная пауза.

- Соболезную. Как ты?
- Пока не понял. Еще перевариваю.
- Ты едешь на похороны?
- Нет. Похороны уже прошли. Она умерла две недели назад. Надо уладить дела с домом.
- Уверен, что это хорошая идея?
- Ты о чем?

– Ехать туда. Меня пугает мысль, что тебе придется ворошить весь этот пепел. Никогда не знаешь, какой пожар из него может разгореться.

- Не собираюсь я устраивать никаких пожаров. Ну если только сожгу все к чертям.

Отправлюсь, пожалуй, в пятницу утром.

- Сколько там пробудешь?
- Не знаю. Пару дней. Может, три.
- На самолете?
- Конечно, нет.
- Конечно, нет, – повторила она. – Это было бы слишком легко и быстро.
- Мне нужна будет машина.
- Вообще-то существует прокат.
- Я люблю свою машину.
- Я знаю, что ты любишь свою машину. Хочешь, чтобы я приехала?
- Нет. Спасибо, я в порядке.

Лори вздохнула.

- Ладно. Прости. Надеюсь, все будет хорошо.
- Все будет хорошо. Просто съезжу, улажу все дела.
- Этого-то я и боюсь.

Глава третья

9 декабря

Кер-д'Ален, Айдахо

Лори была права. Уже собравшись выезжать в Юту, я подумал, что, возможно, возвращаться домой – не такая уж хорошая затея. Я даже не понимал, почему после стольких лет мне вдруг так срочно приспичило туда ехать. Видимо, все происходило на уровне подсознания, потому что разумом я не понимал, зачем все это. Но стоило немного поразмыслить, и картинка сложилась. Мне кажется, что большую часть своей жизни я живу просто по инерции. Может быть, все так живут.

* * *

Последний раз я ехал по шоссе из Кер-д'Алена в Солт-Лейк, но только в обратном направлении, пятнадцать лет назад вместе с Тайсоном и Кэндис. На дорогу у нас ушло почти четырнадцать часов, но сейчас я был уверен, что управлюсь за десять. Во-первых, мой мочевой пузырь повместительнее, чем у Кэндис. А во-вторых, тогда приходилось подстраиваться под скорость Тайсона, который тащил за собой прицеп с вещами. В этот раз я сидел за рулем «Порше Кайен Турбо» – это настоящая ракета, скрывающаяся под кузовом внедорожника. Не помню, когда в последний раз мне доводилось ехать на максимально допустимой скорости.

Я приготовил себе тост и кофе и около девяти утра вышел из дома. Двинулся на юго-восток, через Бьютт, штат Монтана, по I-15⁵ до Айдахо-Фолс и Покателло, через голые, покрытые снегом пейзажи на границе с Ютой, потом еще два часа по Солт-Лейк-Сити, и лишь только стемнело, прибыл на место. Поездка заняла у меня чуть больше десяти часов – один раз останавливался пообедать в Бьютте и заправился в Покателло, штат Айдахо.

⁵ I-15 (Interstate 15) – межштатная автомагистраль в Соединенных Штатах Америки, длиной 1433,52 мили (2307,03 км). Является четвертой по длине автомагистралью США из числа идущих с севера на юг. Проходит по территории шести штатов.

Город уже украсили к праздникам, деревья перед отелем «Гранд Америка» были увешаны мерцающими белыми и желтыми гирляндами. Дороги расчищены, но по обочинам метровые сугробы. Город стал больше, чем мне помнилось. Пока меня не было, Солт-Лейк заметно разросся, особенно это бросалось в глаза после жизни в таких городках, как Спокан и Керд'Ален. Машин на дорогах, несмотря на столь поздний час, было много. Наверное, из-за баскетбольного матча.

Я не стал подъезжать к воротам, проехал мимо парковщиков в униформе и остановился за территорией гостиницы. Терпеть не могу просить, чтобы подогнали машину.

Отель «Гранд Америка» был не менее грандиозным, чем его название. Просторное фойе, мраморный пол и яркие светильники из муранского стекла. Внутри все тоже нарядили к праздникам: пышные гирлянды, венки и фонарики.

Добравшись наконец до номера, я тут же позвонил адвокату Кэмпбеллу. Он ответил после первого же гудка. Мы договорились встретиться утром, в десять часов, в доме матери.

Я заказал ужин – салат из свеклы и клубники, и кусочек лосося – и откинулся на роскошную кровать. Гостиница была шикарная, как и все, в которых я останавливался. Со времен матраса на полу в недостроенном подвале и моей жизни в Солт-Лейке я проделал немалый путь.

Я так и не понял, что именно привело меня назад. Определенно, не завещание. От матери мне ничего не надо было, да я и не хотел ничего. Полагаю, внутри меня все еще было что-то темное, что-то болезненное, будто осколок стекла, все глубже и глубже проникающий в душу. И инстинктивно я знал, что он никуда не исчезнет, если не обращать на него внимания.

Какой бы ни была причина, что-то подсказывало мне, что я должен был вернуться.

Спал я плохо. Всю ночь снились чудные сны. Мать в свадебном платье. Я одет как жених. Проснулся весь в поту, пришлось постелить на кровать полотенце – не просить же в два часа ночи горничную менять простыни.

Глава четвертая

10 декабря

Когда я проснулся, солнце уже давно встало. Я спустился в тренажерный зал отеля, позанимался, затем вернулся в номер, принял душ и оделся. На телефон пришло сообщение от Лори.

«Удачи сегодня!»

«Удача мне пригодится», – подумал я.

Завтракать не стал, сразу спустился вниз. Сегодня «Порше», словно машина времени, перенес меня в те места, которые, как мне казалось, давно исчезли с лица земли и оставались только в моей памяти.

Чем ближе я подъезжал к дому, тем сильнее накатывали самые разные чувства. Проезжая по старым улочкам, я будто слушал исцарапанные виниловые пластинки на патефоне – шорох иглы, скользящей по поверхности пластинки, был неотъемлемой частью музыки, как и сами песни.

После переезда из Юты я так ни разу и не бывал в этом доме. Да что уж говорить, я и в Юту вернулся впервые. Не то чтобы у меня не было возможности, скорее, не было в этом потребности. Местные газеты, «Дезерт ньюс» и ее заклятый враг «Солт-Лейк трибьюн», часто писали обо мне, называя меня «сыном Юты», хотя я никогда не претендовал на такое звание. Я не давал интервью ни той, ни другой газете, отказывался устраивать автограф-сессии или выступать, хоть мне и сулили немаленький гонорар, только потому, что это была Юта.

И вот я здесь, не за деньгами, не для прессы, не под фанфары, крадусь тихо, словно вор в ночи. Или, может, лучше сравнить меня с солдатом, который один возвращается на поле боя, где был ранен. Мой собственный Юта-Бич.

* * *

Во всем районе царил разруха. И, похоже, в ближайшем будущем никто его облагораживать не собирался. Почти на каждом доме висел американский флаг или алая буква «U», сим-

вол университета Юты. Большинство дворов были огорожены проволочной сеткой или снежными насыпями. На подъездных дорожках стояли настолько старые автомобили, что их уже можно было причислять к коллекционным – скорее всего, они ни разу не меняли владельца. Некоторые из них мне даже показались знакомыми – я помнил их с детства.

Приближаясь к дому, я чувствовал нарастающую во мне тревогу. Куда ни глянь, отовсюду ползли воспоминания, по большей части неприятные. Как вот этот покосившийся дом с пластиковыми фламинго, скаредная хозяйка которого каждый день кричала на меня, когда я шел из школы, чтобы не наступал на ее газон. Или вон тот, через два дома отсюда, где жил старик, который как-то раз жег листья, когда я проходил мимо, а потом обвинил в поджоге меня и грозился вызвать полицию. Возможно, это был просто бедный район, но мне всегда казалось, что он насквозь пропитан желчью.

Подъехав еще ближе к дому своего детства, я увидел высокий кряжистый дуб, где погиб мой брат. Я видел тогда, как Чарльз взобрался на дерево, а потом случайно схватился за высоковольтный провод, и его ударило током. Послышался громкий *треск*, и брат упал на землю в нескольких метрах от меня. Я был единственным свидетелем и сломя голову бросился домой за помощью. Даже сейчас мне стало дурно от одного вида этого дуба.

Наконец я подъехал к дому. Как и все вокруг, он тоже стоял в запустении. Это был простой одноэтажный дом из красного кирпича с белыми облезлыми рамами и одним чердачным трехстворчатым окном. На крыше с полметра снега, с водостока по всему периметру свисали сосульки. Одна, с южного угла дома, доросла до земли, образуя столб, будто в пещере сталактит слился со сталагмитом.

Засыпанные снегом бетонные ступеньки поднимались к небольшому крылечку, на которое выходила белая парадная дверь, скрывающаяся за алюминиевой решеткой.

Все казалось намного меньше, чем в детстве. Я слышал, так бывает, когда возвращаешься в места своей юности. Может, когда ты маленький, все видится большим. А может, просто наш мозг работает по принципу зеркала заднего вида, только не уменьшает, а увеличивает.

Огромный почтовый ящик так и стоял на своем месте, весь покрытый льдом. В детстве я часто думал, что мог бы легко в него поместиться. Лет в шесть несколько раз даже был готов наклеить на себя марку и залезть внутрь. Мне кажется, это кое о чем говорит.

Палисадник окружала переросшая изгородь из пираканты, на фоне снега алели яркие гроздья ягод.

Перед домом стоял двухместный серебристый «Мерседес-Бенц», внутри сидели двое. Водитель увидел меня в зеркало заднего вида. Когда я заглушил мотор, он вышел и направился ко мне. Невысокий мужчина с блестящими, аккуратно уложенными волосами. Розовое поло, джинсы и легкие туфли. Я вышел навстречу.

– Мистер Черчер? – поприветствовал он меня.

– А вы, должно быть, Брэд Кэмпбелл, – пожал я ему руку.

– Рад встрече, – произнес адвокат и как бы между прочим взглянул на дом. – Ну как?

Нахлынули воспоминания?

– В машине ваша жена? – вопросом на вопрос ответил я.

– Да, – замылся он. – Ее зовут Кэти. Простите, упростила меня взять ее с собой. Она так надеялась увидеться с вами.

– Так в чем же дело? Скажите, чтобы выходила, – предложил я.

Брэд повернулся к машине и махнул рукой. В тот же миг с пассажирского сиденья, словно на пружинах, подскочила его жена. С собой у нее была неподъемная холщовая сумка. От моего вида лицо ее перекосило то ли от страха, то ли от ужаса.

– Добрый день, Кэти, – сказал я.

Кэти Кэмпбелл поставила сумку с книгами на промерзшую землю и протянула руку.

– Мистер Черчер, не представляете, как я рада вас видеть.

Честно сказать, я представлял. На ногах у нее почему-то были разные кроссовки. Может, это такая мода здесь, в Юте.

– Благодарю, – взял я ее за руки. – Я тоже очень рад нашей встрече.

– Это вы только так говорите, – проговорила она дрожащим от волнения голосом. – Уверена, вас уже тошнит от всего этого. Могу ли я попросить вас подписать мне несколько книг?

– С превеликим удовольствием.

– Я и ручкухватила, – Кэти протянула мне маркер «Шарпи», потом наклонилась и принялась вытаскивать содержимое сумки. Всего было пять книг, которые она стопкой держала теперь в руках. – У меня и другие ваши книги есть, но я не хотела слишком докучать, поэтому принесла только самые любимые.

– Пойдемте к машине, – предложил я, взял у нее книги, положил на багажник «Мерседеса» и принялся подписывать.

– Огромное спасибо. А можно с вами сфотографироваться? – спросила она, когда я закончил.

– Конечно, – не стал противиться я.

Она достала телефон.

– Брэд, сфотографируй нас.

Брэд смущенно подошел к нам. Взял телефон и направил на нас камеру.

– Подними повыше, – предупредила его жена. – Всегда держи камеру выше, чтобы спрятать подбородок.

– Знаю, знаю, дорогая, – он несколько раз щелкнул. – Сделал три снимка.

Кэти отодвинулась от меня.

– Еще раз больше спасибо, мистер Черчер. Подруги обзавидуются. – Она сложила книги обратно в сумку, бросила на меня последний взгляд и вернулась в машину.

– Мне так неловко, – промямлил Брэд. – Она вас обожает, – он глубоко вздохнул. – Ладненько, приступим к делу. – Из переднего кармана брюк адвокат вынул связку ключей на металлическом кольце, пробежался по ним пальцами, отцепил один и протянул его мне. – Не возражаете, если я тоже войду? Хочу убедиться, что все в порядке.

– Не возражаю. – Я повернулся к дому и по растрескавшейся бетонной дорожке направился к крыльцу. – Осторожно, здесь скользко. Не упадите, – улыбнулся я ему. – Если честно, не хочу, чтобы вы меня потом засудили.

– Да что вы, – воскликнул он, – жена меня после такого тут же бросит.

С дороги кирпичный дом выглядел так же, как раньше, хотя, как и я, был немного потрепан и заметно постарел. Однако внутри все кардинально изменилось. Увиденное повергло меня в ужас.

Шторы плотно задернуты, но даже в тусклом свете я видел, что вся комната завалена хламом. Правда, *завалена* – это мягко сказано. Скорее, погребена под горами баракла. Комната напоминала домашнюю свалку. Куда ни глянь, отовсюду вздымались пирамиды покрытого слоем пыли скарба. Я повернулся к Брэду.

– Мать страдала патологическим накопительством?

– Это определенно тот самый случай. – Он с любопытством взглянул на меня. – Разве при вас у нее не было такой мании?

– Нет. Даже наоборот. – Я нащупал выключатель и включил свет. Одна на другой высились коробки, повсюду лежали газеты, тут и там виднелись черные мешки для мусора. Что в них, определить было невозможно, не считая открытых коробок, откуда торчала одежда, старые бумажные книги – целая кипа дешевых любовных романов – и стопки кассет для видеомагнитофона. Я поднял одну.

– Кассета. Неужели она думала, что они еще когда-нибудь пригодятся?

– Видимо, поэтому она и не разрешала мне заходить, – предположил Брэд.

Я огляделся.

– Похоже, она никогда ничего не выбрасывала.

«*Не считая меня*», – подумал я.

– Накопление – это очень интересная патология, – начал мой спутник.

Я посмотрел на него.

– Интересная – в смысле странная?

– Это навязчивая идея. Любое компульсивное влечение можно назвать странным.

– Только посмотрите на весь этот хлам. Это же болезнь.

– Как-то раз я имел дело с барахольщицей. Женщина подала в суд на свою же церковь.

Ей делали операцию по замене коленного сустава, и пока она лежала в больнице, друзья из Общества милосердия навели в ее доме порядок. Женщина хранила у себя все, что можно. В гостиной даже фарфоровый унитаз стоял, я не шучу.

Волонтеры из церкви заполнили ее барахлом два двадцатикубовых мусорных контейнера. Когда закончили, прочистили паром все ковры и даже немного подкрасили стены.

Все ждали, как она удивится и обрадуется, выписавшись из больницы. Женщина действительно удивилась. Упала в обморок. У нее был настоящий нервный срыв, и еще месяц она провела в психиатрическом отделении. Она подала иск к церкви на три миллиона долларов.

– Что за Общество милосердия? – поинтересовался я.

– Женская организация в мормонской церкви. Название в данном случае звучит несколько иронично. Никакого милосердия, по мнению пострадавшей, ей не выказали.

– Вы были на стороне истицы?

– Я представлял церковь.

– Выиграли?

Брэд серьезно посмотрел на меня.

– Я всегда выигрываю.

Я пробрался немного вглубь комнаты.

– Здесь холодно. Похоже, отопление отключили?

– Нет. Законы Юты не позволяют этого сделать посреди зимы. – Он ткнул пальцем в ближайшую стену. – Там есть термостат.

Я подошел к прибору. Датчик показывал тринадцать градусов.

– Тринадцать, – констатировал я. – Теперь понятно, почему так холодно. – Я повернул регулятор на двадцать четыре и услышал, как включилось отопление.

Мать проложила тропинку между завалами, которая петляла через весь дом. Брэд неотступно следовал за мной по этому лабиринту. Мы будто первопроходцы исследовали новые земли. Нам только факелов не хватало. Хотя, если бы у меня был факел, я бы вряд ли удержался от искушения сунуть его в этот хлам и сбежать отсюда.

– Здесь ужасно пахнет, – пожаловался я. – Зря мы не надели маски или респираторы.

– Не могу не согласиться. Скопившееся старье очень опасно для здоровья. Собственно говоря, на этом я и выстраивал свою защиту в суде против той женщины. Я настаивал на том, что она создает биологическую опасность для общества, не говоря уже о пожароопасной обстановке. То, что сделали прихожане церкви, вычистив ее дом, мало чем отличается от закрытия наркопритона. Она подвергала опасности не только себя, но и соседей.

– Присяжные с вами согласились?

– Да. К счастью для нас, она не вызывала особой симпатии. Постоянно называла суд «кучкой идиотов», а всех, кто участвовал в уборке у нее в доме, хотела на всю жизнь упечь за решетку.

Я продвинулся еще дальше и добрался до гостиной – ироничное название, учитывая, что, кроме плесени, гостей в этом доме не бывало. Здесь были вещи, которые я помнил еще с детства. Вышитая картина бабушки Мозес и небольшая копия «Поцелуя» Родена.

Когда-то рядом с камином стояло пианино. Честно признаться, я не мог понять, на месте ли оно сейчас – кругом возвышались коробки.

– Мне кажется, где-то там должно быть пианино, – предположил я. – «Стэйнвей». Оно досталось ей от дяди.

– «Стэйнвей Модель О» 1914 года. Стоит тысяч сорок.

Я посмотрел на адвоката.

– Откуда вы знаете?

– Оно указано в завещании. На нем уже двадцать лет никто не играл. Если здесь покопаться, уверен, найдутся и другие сокровища.

– А можно просто поднести спичку.

Брэд упер руки в бока.

– Знаете, есть компании, которые специализируются на разборе таких завалов. Они придут и наведут порядок. Могу порекомендовать одну.

Я продолжал разглядывать кучи мусора.

– Может, потом. Не сейчас. Сначала сам хочу разобраться.

– Тогда могу подсказать, где взять баки для мусора.

– Вот это мне пригодится.

– Телефон 801-555-4589. Я скину вам эсэмэской.

Я вопросительно поднял на адвоката глаза:

– Зачем вы держите в памяти этот номер?

– Они проходили в качестве свидетелей по тому делу, – пожал плечами Брэд. – И я легко запоминаю цифры.

– А не забыли ли вы о своей жене, которая все это время сидит в машине?

– Да ничего страшного. Наверняка читает вашу книгу. У нее не так много любимых авторов, так что, если нет ничего нового, Кэти читает вас. Самое смешное, что она никогда не помнит, чем все закончилось, поэтому каждый раз как впервые. Клянусь, эта женщина может сама себе устраивать сюрпризы.

Я улыбнулся.

– Буду благодарен за баки.

– Я сам с ними созвонюсь. За ними должок. – Он взглянул на часы. – Сегодня уже, наверное, поздно, а завтра воскресенье. Узнаю, смогут ли они подвезти баки в понедельник утром.

– Спасибо.

– А ведь с домом могло быть еще хуже, – вставил Брэд.

– Разве может быть хуже?

– Хорошо, что она не держала кошек. – Он почесал голову и сказал: – Я пойду. Звоните, если что.

– Никакие документы подписывать не надо?

– Надо, но не сейчас. Завещание еще не подтверждено. Я зарегистрировал его через день после смерти вашей матери. Так что придется подождать еще недели три-четыре.

– То есть дом пока не мой, – констатировал я.

– Не ваш. Но поскольку других наследников нет, то в соответствии с политикой нашей фирмы мы обязаны связаться с будущим владельцем, чтобы вы заранее могли привести дом в порядок. У нас были случаи, когда дома сгорали до передачи прав наследникам. Это был какой-то юридический кошмар.

– Понятно. Спасибо.

– Вам спасибо. Вы на целый день, даже на месяц, да нет же, на целый год осчастливили мою жену. – Брэд засмеялся. – Черт возьми, вы осчастливили ее на всю жизнь. – Он развернулся и опрокинул груды коробок. – Простите. – Вышел из дома, закрыл за собой дверь и оставил меня одного посреди хаоса.

Глава пятая

Я пристроил пальто в относительно чистый уголок и стал отодвигать коробки с того места, где, по моим предположениям, должно было стоять пианино. Процесс напоминал игру в пятнашки, задача которой передвигать по одной фишке на свободное место, пока не соберется картинка. Переставив часть коробок, я не смог устоять – любопытство взяло верх – и открыл самую верхнюю. В ней были сложены потрепанные журналы «Нэшнл географик».

Раскопки продолжились. Еще через несколько коробок показалась черная ножка скамейки. Сверху и снизу также стояли коробки. Я отодвинул их и расчистил пианино. Мать сложила вещи даже на клавиатуру. Освободив ее, я нажал на клавишу. Несмотря на закрытую крышку и стоящие сверху коробки, комната наполнилась чудесным звуком.

Я поднялся и пошел на кухню. Там было не чище, чем в гостиной, а пахло и того хуже. Смешно, но кругом валялись чистящие средства и инструменты – насколько можно было судить, некоторые имелись даже в нескольких экземплярах: скребки, губки, мыло для мытья посуды. Был даже освежитель воздуха. Я брызнул, по крайней мере, попытался, но ничего не вышло. По всей видимости, пустые бутылки она тоже собирала. Пришлось приоткрыть окно, чтобы хоть немного проветрить комнату.

На небольшом кухонном столе с пластиковой столешницей громоздились тарелки, миски, контейнеры и пустые баночки из-под творожного сыра. Зачем? Насколько я знаю, она жила совершенно одна. Для чего ей столько посуды?

Под раковиной нашлась нераспечатанная упаковка мешков для мусора. Я взял один и начал складывать туда все, что без сомнения подлежало утилизации: стопку крышек от баночек со взбитыми сливками и внушительную коллекцию пакетиков с кетчупом и горчицей, которые дают в автомобильных закусточных.

За пять часов я вычистил полкухни. На заднем дворе появилась огромная куча заполненных мешков. Сам я был весь в пыли и жирных пятнах.

На одном из выдвижных ящиков кухонного гарнитура виднелась длинная царапина. Моих рук дело. Помню, мне было восемь. Я решил, как на санках, скатиться в нем с лестницы.

Пострадал тогда не только гарнитур, я умудрился сломать еще и руку. Мать наверняка побила бы меня за это, если бы я не кричал от боли.

Я немного чувствовал себя археологом, который раскапывает осадочные слои и мало-помалу пробирается в прошлое. Но не в чужое, а в свое прошлое. Видимо, еще и поэтому я не хотел никого нанимать и до сих пор не сжег дом.

Может, когда-нибудь я так и сделаю, по крайней мере образно, но только после того, как найду то, что ищу. Я не понимал до конца, что именно, но в том, что это что-то существует, был уверен.

Когда закончил, за окном уже стемнело, и я вспомнил, что целый день не ел. В доме было полно продуктов, но ничего съедобного. Я открыл холодильник и тут же захлопнул дверцу – оттуда вырвался такой запах кислого молока и заплесневевших пластиковых контейнеров, что меня чуть не вырвало.

Помыв в раковине руки по самые локти, я закрыл заднюю дверь, еще раз обвел взглядом комнату, выключил свет и вышел через парадный вход. По дороге в отель остановился съесть суши. В то время, когда уезжал из Юты, еще и слыхом не слыхивал о таком. И даже не помню, был ли тогда здесь этот ресторан.

* * *

Той ночью мне снова приснилась молодая темноволосая женщина, только на этот раз сон был особенно ярким. Так ясно я ее еще никогда не видел. Мы были в кухне моей матери. Вдвоем, и она стояла у раковины. Что-то было не так. Она наклонилась, и ее рвало. Я испугался, что она заболела и может умереть. Но вдруг женщина повернулась ко мне и улыбнулась.

– Ничего страшного, – сказала она.

Глава шестая

11 декабря

Меня разбудил телефонный звонок. Солнце уже вовсю светило в окна. Я перекатился на другую сторону кровати и взял трубку. Это была Лори.

– Разбудила?

– Нет.

– Врунишка. Во сколько ты лег?

– Не знаю. Я плохо спал.

– Прости. Просто хотела узнать, как дела. Ты уже видел дом?

– Да, вчера.

– Ну и как?

– Интересно. Готовая история для книги.

– Я так и думала.

– Мать собирала хлам.

– У нее просто беспорядок или она была настоящей барахольщицей, как по телевизору показывают?

– Как по телевизору. Все комнаты завалены мусором.

– Когда ты был маленьким, она тоже страдала накопительством?

– Нет. Для меня это оказалось новостью.

– Я читала, что накопительство – это своего рода защитный механизм, который приводится в действие после какого-то трагического события. Люди собирают вещи и тем самым отгораживаются от мира, им начинает казаться, будто все под контролем.

– Значит, трагедия? Смерть моего брата, например?

– Возможно. Только ведь после его смерти вы еще жили вместе.

– Больше десяти лет.

– Может, конечно, это какая-то запоздалая реакция, но, скорее всего, случилось что-то еще. – Лори вздохнула. – Все еще не хочешь, чтобы я приехала?

- Нет. Пока справляюсь.
- Ну, ладно. Если что, звони. В эти выходные планирую заняться уборкой.
- Я пришлю тебе фотографии и покажу, что такое настоящая уборка.
- Пришли обязательно, – согласилась она. – Удачи тебе. Смотри, поосторожнее там.

Кстати, ты же в «Гранде» остановился?

- Да.
- Попробуй яйца бенедикт. Это что-то неземное.
- Ты здесь бывала?
- Останавливаюсь у них каждый раз, когда бываю в Юте. Там живут два моих автора.
- Почему ты мне об этом не рассказывала?
- Потому что это все равно что сказать Джону Маккейну, что едешь отдохнуть во Вьетнам.

нам.

- Жестоко. Ладно, удачи с уборкой.
- И тебе. Созвонимся завтра.

Я повесил трубку, набрал обслуживание и заказал яйца бенедикт, яблочное пирожное и стакан свежевыжатого апельсинового сока. Не успел выйти из душа, как в дверь постучали. Я накинул на себя гостиничный халат и открыл. На пороге стояла женщина, рядом с ней сервировочный столик, накрытый белой скатертью.

- Доброе утро, мистер Черчер, – поприветствовала она меня. – Можно войти?
- Прошу вас, – пропустил я ее.

Женщина вкатила в номер столик.

- Где будете завтракать?
- На диване, – ответил я.
- Как проходит ваш день?
- Пока хорошо. Только что проснулся.

Она приготовила для меня столик, убрала со стакана с соком целлофан и сняла с блюда металлическую крышку. Я подписал чек, и женщина ушла.

Лори оказалась права. Яйца были превосходны. Я позавтракал, оделся и вновь отправился на борьбу с хаосом, который устроила моя мать.

Глава седьмая

Утро выдалось ярким и ясным. Слово оказавшийся в плену айсберг, на горизонте вставал Уосатч. Я успел позабыть, какими большими и протяженными были эти горы. От хребта Уосатч на востоке до гор Окер на западе они крепостной стеной окружали город.

Солт-Лейк-Сити насквозь пропитан религией, поэтому в шаббат машин на дорогах немного. Я заехал в супермаркет «Смитс фуд кинг» купить бутылку воды, резиновые перчатки, ведро, швабру, тряпки и дезинфицирующее средство. Потом заскочил в «Старбакс», взял себе большой стакан мокко и направился к дому.

Внутри заметно потеплело по сравнению со вчерашним днем, но почему-то казалось, что хлама стало еще больше, если такое вообще возможно. Я пронес кофе и весь свой чистящий арсенал на кухню и принялся за работу. В одном из шкафов нашлись коробки с хлопьями «Черепашки-ниндзя» и «Квисп» – не удивлюсь, если мои ровесники. Не знаю, что в них было такого особенного, но меня охватила ностальгия. Может, я унаследовал собирательские инстинкты от матери, но выбросить их так и не решился. Протерев все столешницы, я взял кофе и вдруг услышал:

– Здравствуйте.

От неожиданности я чуть не поперхнулся. В дверях стояла пожилая женщина: с седыми волосами, маленького роста, хотя и не сутулилась. Ясные, приветливые глаза.

– Простите, надо было постучать, но, если честно, я уже шесть лет вхожу без стука, поэтому даже не подумала. – Она с удивлением оглядела кухню. – Вы порядок наводите? Ваша мама бы с ума сошла. – Снова посмотрела на меня. – Вы ведь Джейкоб?

– А вы кто?

– Не узнаете? – спросила женщина. – Я Элис Фостер. Живу в двух домах отсюда. Мы с вашей мамой дружили.

Почему-то от этих слов я напрягся. *Враг моего врага – мой враг?* Что за человек будет водить дружбу с моей матерью?

– Не знал, что у мамы были подруги.

– Не много, но были. Сколько вам лет, Джейкоб? Тридцать четыре? Тридцать пять?

– Тридцать четыре, – ответил я.

- Чарльзу было бы тридцать восемь.
Упоминание брата застало меня врасплох.
- Вы знали Чарльза?
- Дружок, я вас обоих знала как своих родных. – Элис нахмурилась. – Ты правда меня не помнишь?
- Я помотал головой.
- Не помню.
- Она подошла ближе.
- Я всегда говорила, что у тебя от девчонок отбоя не будет. Ты был таким красивым мальчиком. А глазички какие были. А какие кудри. И не ошиблась. Настоящий красавчик получился.
- Мне стало неловко от такого комплимента.
- Спасибо.
- Ты книги пишешь, – то ли спросила, то ли констатировала она.
- Пишу.
- Неудивительно. У тебя всегда было богатое воображение. – Она снова обвела взглядом кухню. – Все меняется, когда они уходят. Тебе не кажется?
- Кто уходит?
- Хозяева. Будто душа их покидает не только тело, но и дом. – Женщина жалостливо посмотрела на меня. – Тяжело тебе, наверно, возвращаться после стольких лет.
- Очень тяжело.
- На мгновение воцарилась тишина. Спустя минуту я глубоко вздохнул и процедил:
- Приятно было познакомиться. Мне надо работать. У меня еще много дел.
- Она продолжала стоять.
- Не стоит так презрительно ко мне относиться, Джейкоб. Мы с тобой не «знакомимся». Я – часть твоей жизни, и куда бо́льшая, чем ты думаешь.
- Ее прямота удивила меня. Ко мне давно никто так не обращался. Когда становишься богатым и знаменитым, люди перестают так с тобой разговаривать. Только если им что-то нужно.
- И я знаю, у тебя есть вопросы.
- С чего вы взяли?
- Потому что они были бы у любого, кто оказался в такой ситуации. – Она внезапно понизила голос. – Возможно, я буду твоим единственным свидетелем.
- Я не нашелся, что ответить, поэтому промолчал.
- Элис первой нарушила тишину.
- Сколько ты еще пробудешь в городе?
- Пока не знаю. Несколько дней.
- Ночуешь здесь?
- Нет. Я остановился в центре, в «Гранд Америка».
- «Гранд», – повторила она. – Раньше были только «Литл Америка» и отель «Юта». А теперь вот «Гранд». Я еще зайду. Дам тебе время все переварить. Добро пожаловать домой, Джейкоб. Рада снова видеть тебя здесь. Я надеялась, что ты вернешься домой.
- Это не мой дом.
- Нет, – поморщилась она, – конечно, нет. До свидания. – Она развернулась и пошла к выходу, но вдруг остановилась посреди гостиной и произнесла: – Ты же знаешь, что говорят о правде, Джейкоб.
- Что именно?
- Правда освобождает, – закончила она, вышла из дома и аккуратно закрыла за собой дверь.

Я вернулся к работе. Слова соседки не шли у меня из головы. *Мой единственный свидетель?*

В районе двух я сделал перерыв на обед: поехал в закусочную «Арктик серкл». Мальчишкой я часто туда заходил. У них были тридцатисантиметровые хот-доги и вкуснейшее ванильное мороженое в рожке, политое шоколадом. «Арктик серкл» – сеть закусочных Юты, именно там придумали «фрай-соус», на удивление вкусную смесь кетчупа и майонеза. В моей молодости было две закусочных родом из Юты – «Арктик серкл» и «Дис драйв-инс», правда, последняя давно канула в Лету. В Спокане я тоже видел «Арктик серкл», но ни разу там не бывал. Не знаю почему. Может, потому что она напоминала мне о доме.

После обеда я снова взялся за уборку, и около семи уже покончил с кухней. Набралось еще с десяток мешков мусора, которые я выволок на задний двор и пристроил рядом с остальными.

Помыв пол и продезинфицировав все поверхности, я уселся на стол и оглядел кухню. Некогда здесь кипела жизнь. Помню, как Чарльз попросил испечь панкейки в виде Микки Мауса, и мама приделала им шоколадные глазки. Это было всего лишь мимолетное воспоминание, но как много оно для меня значило. Мама улыбалась.

Глава восьмая

Понедельник

Утром пошел снег. Вернувшись к дому, я увидел огромный металлический контейнер. Он загораживал всю подъездную дорожку. Вероятно, его доставили незадолго до моего появления – на снегу еще виднелись свежие следы шин.

Я прошел на задний двор, притащил оттуда тринадцать мешков мусора и затолкал их в бак. Затем открыл дверь и вошел в дом.

Следующей по плану была моя комната. Она оказалась не такой запущенной, как кухня. На стене все еще висели те четыре постера, что я повесил незадолго до того, как покинул дом: «Матрица», Эминем и два баскетболиста, Карл Мэлоун из ютовского «Джаза» и всем известный Майкл Джордан в прыжке.

Удивительно, что постеры до сих пор оставались на месте. Почему-то я думал, что мать порвала их, как и все, что напоминало обо мне. Но комната почти не изменилась с тех пор, если не считать коробок и непонятного хлама типа старого кулера для воды, игрушечного автомата для сладкой ваты и с полсотни пустых бутылок из-под колы.

Я захватил с собой блютуз-колонку, чтобы слушать музыку с телефона. Выбор пал, конечно же, на «Ред хот чили пепперс» и Эминема, которые возглавляли хит-парады тех лет.

Мать не только ничего не тронула в моей комнате, но еще и заправила постель и сложила в комод всю ту одежду, что я оставил на лужайке, когда уходил из дома. Бессмыслица какая-то. Зачем она занесла мои вещи и разложила все по местам? Неужели надеялась, что я вернусь?

Я как раз перебирал комод, когда в дверь позвонили. На пороге стоял Брэд Кэмпбелл. В руках он держал пластиковый стаканчик, из которого в морозный воздух поднимались клубы пара.

– Брэд, – встретил его я. – Входите.

– Спасибо, – дыхание его замерзло на холоде. Он вошел в дом. – Дай-ка, думаю, заскочу, узнаю, привезли ли мусорный бак.

– Еще до моего приезда. Ваши друзья – ранние пташки.
– Они выходят на работу около пяти утра, пока еще на дорогах не так много машин. – Адвокат протянул мне стакан. – Вот, принес вам горячий шоколад с мятой.
– Спасибо.
– Прогресс налицо, – заглянул он в кухню.
– Двигается потихоньку. Целый день вчера провозился.
Кэмпбелл понимающе кивнул.
– Теперь ходит на кухню. – Он сунул руки в карманы. – Ну, не буду вас отвлекать. Если что надо будет, звоните.
– Вряд ли мне еще что-то понадобится, но все равно спасибо.
– Не за что, – он слегка кивнул, развернулся и вышел. Я выволок из комнаты мешки, погрузил их в бак, вымыл руки и снова поехал в «Арктик серкл». На этот раз взял их знаменитый ранч-бургер и малиновый коктейль, поел и снова вернулся в дом.

* * *

Коридор возле моей спальни почти до потолка был заставлен коробками. Главный проход, соединяющий все части дома, оказался не так загроможден, как остальные комнаты, – не то, чтобы здесь было меньше хлама, просто он был чуть лучше организован.

Я принялся разбирать коробки. В одной из них нашел свои тетради: начиная с детского сада и заканчивая седьмым классом. Удивительно, что мама их сохранила.

На коридор ушло около трех часов. Почти во всех коробках лежали какие-то официальные бумаги. Последние лет пятнадцать мать собирала всю финансовую документацию и счета. Таких тяжелых коробок поднимать мне еще не приходилось. Несмотря на ежедневные тренировки на эллипсоиде, я совершенно выбился из сил, пока таскал их до контейнера.

Дальше настала очередь ванной комнаты в конце коридора. Она была небольшая, но сама ванна заполнена всевозможным мусором: какие-то мамины недовязанные носки и свитера, два абажура и старый, ржавый женский велосипед со спущенными колесами и без седла. Даже не представляю, почему велосипед стоял в ванной, да и вообще в доме, но я уже давно перестал искать логику в этом хаосе.

Вытаскивая из ванной велосипед, я услышал стук. Дверь открылась, и вошла Элис Фостер. На волосах снег, а в руках картонная коробка, слишком тяжелая, чтобы нести ее по такой погоде.

– Я подумала, вряд ли в доме есть что-то съестное, поэтому принесла тебе горячий ужин.
– Давайте сюда. – Я поставил велосипед и взял у нее коробку. – Проходите.

Элис сделала несколько шагов.

– Я приготовила томатный суп. Ты всегда его любил. Особенно с крекерами.

– Я и сейчас люблю, – согласился я. – Мой агент всегда смущается от этой моей привычки, когда мы с ней ужинаем в каком-нибудь модном ресторане Нью-Йорка. – Я понес коробку на кухню, соседка посеменила следом.

– Тут еще немного крекеров. И несколько булочек с маслом, и кусочек шоколадного торта.

– Не стоило так беспокоиться.

– Разве это беспокойство? Садись, поешь. Ты с обеда из дома не выходил, наверняка проголодался.

Откуда она знает? Я достал из шкафа две тарелки.

– Здесь хватит на двоих.

– Я уже поела, – возразила она. – Не хочу навязывать тебе свою компанию.

Я вернулся к столу, скрутил с термоса крышку и налил себе суп.

- Вы не навязываете, – успокоил я ее. – Садитесь.
 - Спасибо. – Она села напротив, развернула крекеры и положила их передо мной. – Здесь стало намного лучше. Как продвигается дело?
 - Работы еще много.
 - Неудивительно. Она собирала все это целых пятнадцать лет. – Элис окинула кухню взглядом и помрачнела. – Как много боли в этих стенах.
 - В *этих* стенах много боли, – парировал я, приложив руку к своей груди.
 - Знаю. Прости.
 - Я посмотрел на нее.
 - Вчера вы что-то говорили о моем единственном свидетеле.
 - Ну, да.
 - Что это значит?
 - Я хотела сказать, что только я знала тебя до того, как все изменилось.
 - *Изменилось?* В смысле, до того, как я стал знаменитым?
 - Она помотала головой.
 - Нет. До того, как изменилась твоя мать. Она не всегда была такой, как ты ее помнишь.
- Она изменилась после смерти Чарльза.
- Мне тогда было всего четыре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.